
В В Е Д Е Н И Е

НОРМА ПРОИЗНОШЕНИЯ — МОСКОВСКИЙ ГОВОР

Русский язык — плод многовекового труда и творчества народа, наше национальное достояние. Вряд ли хоть один язык мира мог бы сравниться с русским, с его сложной и богатой историей.

Развитие языковой нормы всегда связано с историей литературного языка. Именно для литературного языка характерны четко отработанные нормы и противостояние диалектам, на основе и под воздействием которых он сложился и развивался. Диалект (от греч. «разговор, говор, наречие») — это разновидность языка, которым пользуются ограниченное число людей, связанных территориальной, профессиональной или социальной общностью. Диалекты существуют только в устной форме и объединяют говоры и наречия.

Говор — это местная речь со всеми ее особенностями. Наречие — группа говоров, связанных между собой рядом общих языковых, исторических и культурных явлений, неизвестных другим говорам.

Литературный язык противопоставлен не только диалектным явлениям, но и жаргону и общерусскому просторечию — языковым фактам, стоящим «ниже» литературной нормы. Представление о литературности и не литературности со временем изменяется, и это связано прежде всего с процессами развития и изменения самого литературного языка. Литературный язык — язык образцовый, его нормы считаются обязательными для всех.

Что же это за нормы?

Во-первых, это нормы, связанные с употреблением слов, — лексические. Во-вторых, нормы, связанные с упо-

треблением и изменением форм слова, — грамматические. В-третьих, нормы, связанные с правильностью написания слов, — орфографические. И, в-четвертых, — орфоэпические, которые обычно не отражаются на письме, а выражают особенности устной речи — это нормы произношения и ударения.

Два греческих слова — *orthos* (правильный, прямой) и *eros* (речь) — слились воедино и образовали красивое звучное слово — орфоэпия, что в переводе означает «правильная речь». «Правильная», то есть соответствующая норме. Для всех очевидна важность единства орфографии, потому что безграмотность в написании мешает чтению и восприятию текста, а несоблюдение норм в произношении является препятствием в языковом общении. При восприятии устной речи важно уловить смысл сказанного, а неверное произношение мешает этому.

Формирование орфоэпических норм русского литературного языка шло на основе одного из среднерусских говоров — московского. В настоящем учебном пособии «московский говор» рассматривается с точки зрения фонетики и орфоэпии, вопросы лексики и морфологии не затрагиваются.

Московский говор складывался веками. Главные черты московского произношения — это его народность и традиционность. Почему именно московский говор стал производительной нормой?

Заглянем в прошлое.

VII век. Верховья Оки, верхнее и среднее правобережье Поочья. Это территория будущей Москвы, здесь поселяются восточнославянские племена — вятичи. Уже в те времена их говор отличался от рядом расселившихся радимичей и кривичей. Это был народ основательный, не склонный к суетливости. Ни одного слова, оканчивающегося на согласный, речь текла плавно, как будто без ударений.

В VI–VII вв. восточнославянские племена представляли собой особую этноязыковую общность и имели свой язык. До X века единственным средством общения была устная речь. Восточные славяне были бесписьменными.

В дописьменый период истории древнерусского языка восточные славяне разных этнотERRиториальных групп неодинаково произносили некоторые звуки («в», «г», «ц», «ч»). Существовали различия — диалектизмы.

Язычество сменилось христианством. Принятие христианства повлекло за собой распространение старославянского языка, благодаря которому славяне получили письменность. Христианство из Византии раньше других приняли южные славяне, в первую очередь болгары. В их среде старославянский язык был прежде всего языком новой религии.

В конце X века христианство, проникшее в Древнюю Русь, стало официальной религией. Для распространения новой религии в народе проповедники использовали церковные тексты, написанные на близком для восточных славян старославянском языке. На этот язык переводились христианские книги с греческого. Таким образом, старославянскому языку открылись широкие возможности для проникновения в древнерусский язык.

В Древней Руси X–XI вв. функционировали два близкородственных языка: заимствованный старославянский, возникший на древнеболгарской основе, и народный восточнославянский. Языки взаимодействовали. Восточные славяне произносили звуки старославянского на свой лад, таким образом, под влиянием народного языка изменялся старославянский. И старославянский письменный отличался от разговорной речи, так как это была не просто фиксация устной речи, а переводы греческих книг, пропитанных иным мировоззрением, более развитым, чем у народа бесписьменной языческой культуры. Смешение двух языков положило начало единой системы литературного языка, с едиными нормами.

К середине XII в. начинается период феодальной раздробленности Руси. В это время в народном восточнославянском разговорном языке имелись местные фонетические различия. Север и северо-запад с влиянием финских языков отличали «цоканье», взрывное «г», губно-зубное «в». Для юга и юго-востока были характерны: фрикативный «г» (h), губно-губное «в» (w), наличие аффрикаты (д'ж'),

отсутствие «цоканья». Так зарождались северный и южный диалекты, которые предшествовали формированию великорусского языка.

На формирование светских стилей литературного языка восточных славян большое влияние оказала разговорная речь киевлян и новгородцев, так как Киев и Новгород были крупнейшими административными и культурными центрами Древней Руси.

Уже в древнерусском государстве язык восточных славян распространялся среди многих восточноевропейских племен и народностей. Расходясь в разные стороны, восточные славяне поддерживали контакты с финно-уграми, балтийцами, тюрками и т. д. там, где восточные славяне оказывались в большинстве и имели высокий уровень культуры, их речь постепенно вытесняла местную. Русские люди всегда контактировали с соседними народами, и в результате иноязычные элементы ассимилировались в русском языке.

В XIII–XIV вв. распадается древнерусская народность и ее язык. Постепенно формируются три родственных, самостоятельных языка: великорусский (от слова «великий» — большой по численности населения), малорусский (украинский от «украина» — окраина) и белорусский (от «белая Русь» — земля, свободная от сборов дани).

Распад древнерусского государства на ряд самостоятельных княжеств, нашествие с востока на Русь монголо-татар и 250-летнее их тотальное влияние, захват юго-западных русских земель поляками и литовцами — все это способствовало усилению диалектного дробления древнерусского языка.

Под влиянием самых разных исторических условий (насильственные переселения, чужеземные нашествия в конце XIV — начале XV века) окончательно разделились говоры русского языка. Ведущими говорами складывающегося русского языка стали в XIV–XVI веках говоры Ростово-Сузdalской земли, в которых постепенно начал преобладать московский. С образованием великорусского языка существовавшие диалекты превратились в северно-великорусские и южно-велико-русские наречия, на границах которых

в процессе взаимных контактов возникали «переходные» средневеликорусские говоры.

В условиях средневековой государственной дробности различалась речь даже соседних княжеств. Язык народности создавал уже различные формы речи. Но как только начали возникать более прочные экономические и политические связи между русскими княжествами, стало очевидно, что диалектная речь затрудняет общение жителей разных городов. Одни и те же звуки, слоги, слова русской речи произносились различно русскими людьми разных местностей России. Возникла потребность в унификации форм произношения.

Развитие языка великорусской народности проходило в период возникновения и расцвета Московского княжества. Москва богатеет, успехи в хозяйствовании завоевывают ей право стать во главе ближайших соседей. Победа на Куликовом поле приводит к еще большему объединению и сплочению всех великоруссов вокруг Москвы. Московский говор в значительной степени воспринимается как произносительная норма.

Если *первым южнославянским влиянием* принято считать влияние старославянского языка на древнерусский в период принятия и закрепления христианства у восточных славян, то *второе южнославянское влияние* стало ощущаться на Руси, особенно в Московском княжестве, с конца XIV в. Это объяснялось рядом внутренних и внешних причин:

- усиление в XIII–XIV вв. связей древнерусских церковных деятелей и книжников с религиозными и культурными центрами на Балканах и в Малой Азии;
- захват турками в конце XIV в. Балкан и перемещение главного центра православной культуры в Москву;
- эмиграция на Русь многих южнославянских и культурных деятелей, не захотевших жить под турецким игом;
- утверждение эмигрантами своей научной и публицистической деятельности (в интересах политики великих московских князей);
- отстаивание идеи: Москва — третий Рим. Это значило, что Москва — политический и культурный центр,

который является преемником культурного и церковного авторитета Рима и Константинополя (к тому времени античный Рим утратил свой авторитет среди православных, став католическим, а Константинополь пал под властью турецких мусульман).

Усиление политического, экономического и культурного значения, формирование народности, централизация — все это приводит к возвышению московского говора. Язык москвичей становится обязательным даже в бытовом общении. В Москву стекается окрестный люд, и, поселившись в Москве, они охотно принаршивляются к ее наречию, а возвращаясь домой, стараются подражать выговору москвичей.

Люди стыдят тех, кто пренебрегает московским нормами. При этом Москва не считает их неприкосновенными. Изменяются лексические нормы, вместе с ними меняется и звучание слов. Легко отказываются от северных по происхождению форм сравнительной степени — с ильяе, крепче.

Появляется московское окончание -ой: молодой, злой (по-старому — м о л о д и й, з л и й). На стыке слов после твердого согласного звук «и» переходит в «ы»: к Ивану (к Ы в а н у). Москвичи первыми стали произносить слова с -ки, -ги, -хи (вместо с, з, ц): нозе — ноге, помози — помоги...

До XVI века москвичи «окали». Окал царь Иван Грозный, его приближенные и старое боярство (Хованские, Мстиславские, Одоевские). Однако населением, пришедшим с юга и юго-востока, распространялось «акающие» произношение (то есть совпадение «о», «а» в безударных слогах в «а»).

Сохраняя северную основу, например, произношение взрывного [г], но отказываясь от северного цокань-чоканья, перенимая черты южных говоров, прежде всего «аканье», Москва переплавила их по-своему. Именно «московский говор», или «койне» (в переводе с греческого *koine* — общий язык, возникший на базе одного или смешения нескольких диалектов), стал приемлемой формой общенародного языка. Этому способствовало и то, что Москва находилась в очень выгодном лингво-географическом

положении, так как располагалась на стыке северно-великорусского и южно-великорусского наречий.

Московское произношение, в силу исторических и этнографических причин, признается за более чистое осуществление русской речи (со звуковой стороны) и за самую мелодичную ее форму.

Постепенно «аканье» преобладает над другими чертами языка, а с XVII в. считается речевой нормой. Именно в это время происходит окончательное становление московского говора, в основе которого южно-великорусская система произношения гласных и северно-великорусская система произношения согласных.

«Московская речь XVII в. не являлась речью “смешанной”, а была вполне сложившимся и влиятельным городским койне, способным активно нейтрализовать лингвистические влияния извне и определяющим образом воздействовать на формирование литературного языка и, шире, национального»¹.

Русский устный язык был главным средством общения и состоял из местных говоров и московского койне. Выходец из Смоленска хорошо понимал сибирских русских поселенцев, а уроженец Архангельска — жителя Курска. Стержнем каждого отдельно взятого говора являлась обще-русская основа, унаследованная от древнерусского языка, и диалектные проявления не мешали одному русскому человеку понимать речь другого, в каком бы месте он ни проживал.

Уже в XVI–XVII вв. нормы московского говора начинают оказывать некоторое воздействие на говоры других городов, так как Москва — столица русского государства. Местные говоры теряют свою территориальную защищенность. Разговорный язык Москвы, сложившийся к XVII веку, и определил основные нормы современной устной речи.

В России происходит слияние русских областей, земель, княжеств в одно целое, возникают национальные связи. Чаще возникает потребность в публичных выступлениях,

¹ Коротков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 282.

требующих единых норм, единого звучания. Но не был бы русский язык таким богатым, ярким, выразительным и самобытным, если бы восторжествовали в нем лишь московские черты. В это время уделяется большое внимание правильному произношению, что является показателем формирования национального языка.

Конечно же, этот язык создавался не только москвичами, ведь речь самих москвичей зависела во многом от окружения. В Москву стекаются лучшие люди из разных концов Руси и иноземные гости.

Уникальную роль в истории языка сыграла славянская книжность. В языке XVIII в. взаимодополняли друг друга церковнославянский язык, северные и южные диалекты. Конфликтные отношения между [г] и [h] («г» с призвуком «х»), соперничество «оканья» и «аканья», колебание в слогоделении — вот процессы, характерные для этого периода. Ритмическое строение русских слов в XVII — начале XVIII века отличалось от нынешнего. Ударный слог слабо отличался от безударных. Восприятие русским языком иностранных слов еще более усложнило вопросы произношения. В русскую речь XVII века новым потоком хлынули заимствованные слова, которые расширили артикуляционные возможности языка. Например, появились слова с необычным слиянием согласных: *Карлкное, контршарпы, в Ягербсбурге, штамп, ефрейтор, фельдфебель* и т. д., добавилось много слов с рядом стоящими гласными: *при Дюаи крепости, аудиенция, каюта...* Отражая жизненные процессы, разговорная речь европеизируется, демократизируется. Слова тщательно отбираются, отмирают одни, переосмысливаются другие, появляются новые.

В Петровскую эпоху (XVIII в.) русский язык становится общенациональным. Появляются переводные словари, облегчающие освоение западной науки и культуры. Учреждается Академия наук, возникают профессиональные учебные заведения, меняется русская азбука, издаются книги. Но при этом культурные люди XVIII в. остаются двуязычными, так как письменный и устный языки не совпадали. Никто из русских не мог писать или рассуждать

на научные темы, не пользуясь старославянским языком, а в быту, наоборот, обойтись только старославянским было невозможно. Вот и получалось: разговаривали по-русски, а писали по-славянски.

В XVIII веке единой нормы произношения еще не было, то есть существовала одна — для чтения вслух книг, стихов и т. д., другая — для разговорной речи.

Многие великие умы русской культуры заботились об упорядочении русского языка. У А. Кантемира, В. Тредиаковского, А. Сумарокова и, конечно же, М. Ломоносова появляются рассуждения о правильности речи. В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов установили, что «аканье» — не просто бытовая краска языка, а старая и требовательная норма. «В московском выговоре все (о) неударяемые за (а) произносятся» — писал В. К. Тредиаковский. И у М. В. Ломоносова читаем: «Московское наречие не только для важности столичного города, но и для своей красоты прочим справедливо предпочтается, а особенно выговор буквы “о” без ударения как “а” много приятнее»¹.

Именно эта особенность придавала московскому произношению удивительную музыкальность и особенную полноту звучания. «Аканье» завоевало и театр того времени, а театр влиял на бытовую речь и поднимал престиж московского произношения. Крепостная актриса П. Жемчугова специально выверяла тексты своих ролей, подставляя «а» вместо безударного «о», чтобы звучать современно.

В лексике М. В. Ломоносов определил три «стиля»: высокий (когда церковнославянскими словами сочинялись оды, трагедии, героические поэмы), средний (русскими словами с небольшими добавлениями церковнославянских создавались драмы, элегии, сатиры) и низкий (русскими словами разговорного языка с добавлением простонародных писались комедии, басни, эпиграммы, песни). В орфоэпии М. Ломоносов видел только два стиля: высокий — ораторский и средний — разговорный на основе московского говора. Он писал: «Сие произношение более

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1959. т. 7. С. 430, § 115.

употребительно в обычных разговорах, а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется»¹. Стили имели различия:

- если в высоком стиле звук «е» после мягких согласных произносится всегда как [э]: вес’элый; то в разговорном — «е» звучало как [о]: вес’олый;
- звук «г» в высоком стиле произносится как «h» (фрикативный):hosударь; в разговорном звучало взрывное «г»: государь;
- в высоком стиле в безударных слогах «о» произносились как [о] (церковнославянское «оканье»): боhоподобный; в разговорном стиле безударный звук «о» редуцировался, звучал как [а];
- ударение в высоком стиле в основном закреплялось за корневым слогом: филосóф, воздúх и т. д., в разговорном — этого не было.

Различия двух стилей произношения сохранились в речевой практике в течение долгого времени. И все-таки во второй половине XVIII века наметилось некое слияние церковнославянского и бытового языков, возникли в языке варианты для разных речевых назначений. М. В. Ломоносов писал: «Карл V, римский император, говоривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелем, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он Российской языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оними говорить пристойно»².

Велика заслуга Н. М. Карамзина в преодолении разрыва между книжной и разговорной нормами. Его языковая деятельность развивалась в русле тенденции литературного языка к интеллектуализации. Из ломоносовских стилей он выбрал за основу средний. Карамзину мы обязаны тем, что в нашем языке появилась буква «ё», и тем, что лексика русского языка освободилась от излишней книжности, появился изящный, удобный в произношении слог. Он ввел новое слово — «утонченность», привлек внимание

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950–1959. т. 7. С. 427, § 104.

² Там же. С. 391–392.

к внутреннему миру человека, его чувствам. Карамзин и его последователи стремились создать единый язык для книг и для общества, чтобы «писать, как говорят, и говорить, как пишут».

Появляется новая литература, новая драматургия. Правда, в Москве развитие театра было гораздо свободнее, чем в Петербурге. Классицизм на московской сцене царил только потому, что нечем его было заменить. Певучая декламация и менуэтная поступь давно уже не были строго соблюдаемы. Как только появился новый стиль — «романтизм», «классицизм» тотчас же пал на московской сцене. В этом отношении Москва далеко опередила Петербург. Москва не гонится за строгостью формы, она требует от артиста исключительно вдохновения. Петербург же — приверженец формы в искусстве.

В театрах изменяется репертуар. И в Москве, и в Петербурге на смену классицизму, предпочитавшему трагедию, пришел другой театр. Вместо трагедий, требующих «высокого штиля» — четкого прочтения Александрийского стиха, логического выделения слов с помощью громкости, отчеканивания слогов, — стали ставить комедии, драмы и мелодрамы. На сцене зазвучала эмоциональная речь. Правда, карамзинисты не столько писали, как говорят, сколько призывали говорить, как пишут. Симпатизируя европейской культуре, Карамзин призывал к заимствованию иностранных слов. По Карамзину, обогащение языка связано с развитием словесности, с общением людей, с природой и судьбой. Его оппонентом выступал Шишков, который боролся за восстановление церковнославянского высокого стиля. Он желал сравнять книжный язык и разговорный, не допускал заимствований. В слове «республика» ему слышалось «режь публику!». Для Шишкова, чем древнее язык, чем меньше он подвергся изменениям, тем он богаче и сильнее. Разбушевавшаяся филологическая борьба становилась препятствием для упорядочения норм языка и произношения. Истина открылась А. С. Пушкину.

Нормы русского литературного произношения начали приобретать завершенные формы в пушкинскую эпоху. Именно А. С. Пушкину принадлежит заслуга преобразова-

теля. Он сумел воссоединить, обогатить письменный язык, книжную речь устными формами. Еще шире раздвинули границы языка и определили его стилевое многообразие В. Белинский, М. Лермонтов, Н. Гоголь, И. Тургенев, Н. Добролюбов, Л. Толстой, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский...

В зависимости от того, для какой цели используется язык, в нем выделяются разновидности, которые и называются стилями. Это книжный стиль и разговорный стиль. Книжный стиль подразделяется на научный, официально-деловой, публицистический и литературно-художественный.

Начало нового века. Либеральные проекты царя Александра I. Одним из таких проектов были отменены запрет на выезд за границу и запрет на европейскую литературу и печать, объявлено об открытии лицея и новых университетов.

Победа русского народа в Отечественной войне 1812 года. Передовую часть дворян стали волновать не чины, ордена и деньги, а судьба Отечества.

Какие изменения происходят в это время в устной речи в XIX веке?

Складывается литературная бытовая речь, особенность которой состоит в том, что она ориентируется на нормы письменного литературного языка. Она пригодна для разговора на любые темы. Интересно, что нормы литературной бытовой речи и произношения распространялись в обществе людей. Огромную роль при этом играла семья. В этот период устойчивость произносительной системы тесно связана с передачей произносительных привычек в семейной традиции, от семьи к семье. Дворянская интеллигенция была носителем эталона культурной речи.

Приближалась новая эпоха. Уже в 40-е годы XIX века стал меняться взгляд на нелитературные формы разговорной речи — диалектную, просторечную, на речь непривилегированных слоев населения.

Предварительное отношение к «культуре низов» становится не популярным.

Проявляется огромный интерес к устному народному творчеству: открываются былинные сокровища Севера, собираются и изучаются песни, сказки, пословицы, поговорки, притчи. «Толковый словарь» В. И. Даля становится обязательной книгой интеллигенции. Анекдот того времени: «Что должно быть в комнате у образованного человека? — Стол, стул и Даль». Этот словарь вызвал подъем интереса к народной основе литературной речи, к говорам русского языка. «Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный», — писал В. И. Даль¹.

Диалекты воспринимаются не как искашение, а как речевое своеобразие; они изучаются и признаются полно-правной частью литературного разговорного языка. Если раньше носителем литературного языка была дворянская интеллигенция, то теперь наступает время разночинцев, чье произношение находилось под огромным влиянием городского просторечия. «Если для XVII века произносительной базой был высокий ораторский стиль славянской речи, — писал Б. В. Толмашевский, — то в XIX веке основой литературного языка стал живой московский говор»².

Главные отличительные особенности московского говора стабилизировались уже к XVIII в.: «аканье», произношение взрывного «г», твердое «т» в окончаниях глаголов 3-го лица единственного числа настоящего времени, местоименные формы *меня, тебя, себя* и т. п.

Именно в этот период Петербург заявляет о себе как о втором «орфоэпическом центре» России. Ведь Петербург давно уже был столицей. Еще в начале XVIII в. Москва передала ему свои полномочия. Правда, это событие существенно не отразилось на формировании норм русского языка. Петербург — вновь построенный город, и в его окрестностях не было компактного заселения, которое в экономическом, политическом и культурном отношении имело бы решающее значение. С первых дней в новой столице преобладали москвичи: двор, знать, чиновники,

¹ Даль В. И. Толковый словарь. Т. I: Напутное слово. М., С. XXI.

² Толмашевский Б. В. Стих и язык. М.; Л., 1959.

говорившие по-московски. Но для строительства новой столицы нужна была рабочая сила, которая набиралась из близлежащих деревень. Проходит время, и московское произношение все-таки подвергается некоторым изменениям, что связано прежде всего с влиянием северно-русских и среднерусских говоров.

Вот некоторые особенности *петербургского произношения*:

В области гласных:

- под влиянием северных говоров произносилось более закрытое предударное «а»:
вода — $v[\bar{\epsilon}]dA$ — вместо московского: $v[a]dA$
трава — $tr[\bar{\epsilon}]vA$ — $tr[a]vA$
ходили — $x[\bar{\epsilon}]dИли$ — $x[a]dИли$
- произнесение «е» на месте «Е», «Я» после мягких согласных в предударных и заударных словах:
скакет — $skA\chi[e]t$ — вместо московского: $skA\chi[\bar{y}]t$
поле — $nOl[e]$ — $nOl[\bar{y}]$
тяжёлый — $t\acute{e}ЖOlый$ — $m[e/u]ЖOlый$
берёза — $b[e]p'Oзъ$ — $be/u]pOзъ$
- под влиянием северно-русских говоров — утрата [j] в безударном слоге:
моет — $mo[эт]$ — вместо московского: $mo[j\acute{e}]t$
пояс — $no[u]c$ — $no[j\acute{y}]c$
- отсутствие [j] перед «е» в начале слова:
если — [эсли] — вместо московского: $[j\acute{e}]c'ли$

В области согласных:

- произношение сочетания «ЧН» на стыке корня и суффикса, как «ЧН»:
конечно — $konе[чн]o$ — вместо московского: $konе[ши]o$
коричневый — $korи[чн]евый$ — $korи[ши]евый$
- произнесение «т», «д» в словах типа:

властино — власно — вместо московского: *властино*
праздник — празник — *празник*

- произнесение долгого «н» в ряде суффиксов с одним «н»:
юный — ю[нн]ый — вместо московского: *юный*
румяный — румя[нн]ый — *румяный*
- произнесение вместо «щ» сочетание [шч'] с мягким вторым согласным:
ищу — и[шч']у — вместо московского: *и[ш]у*
счастье — [шч']частье — *[ш]частье*
плющ — плю[шч'] — *плю[ш]*
- произнесение твердых губных на конце слова:
семь — се[м] — вместо московского: *се[м']*
любовь — любо[ф] — *любо[ф']*
познакомь нас — познако[м] нас — *познако[м'] нас*
голубь — голу[н] — *голу[н']*
- произнесение слов «кто», «что», «никто» как [кто], [что], [никто], вместо московского [хто], [што], [нихто].
- произнесение суффиксов ЩН как ШН:
мощный — мо[шн]ый — вместо московского: *мо[щен]ый*
изящный — изя[шн]ый — *изя[щен]ый*
в сущности — в су[шн]ости — *в су[щен]ости*
- произнесение сочетания [зж] и [жж] твёрдо:
позже — по[зж]е — вместо московского: *по[ж'ж']е*
возжди — во[жж]и — *во[ж'ж']и*

В области грамматических форм:

- произнесение мягкого «с» в возвратных частицах — *сь, — ся:*
учусь — учу[с'] — вместо московского: *учу[с]*
забрался — забрал[с'a] — *забрал[са]*

- произношение окончаний глаголов 3-го лица множественного числа II спряжения.
на *-ат*, *-ят* как *-ам*, *-ят* — вместо московского произношения на *-ут*, *-ют*:
ездят — *езд[ят]* — вместо московского: *езд[ют]*
учат — *уч[ат]* — *уч[ут]*
- произнесение мягко окончаний прилагательных на *-кий*, *-гий*, *-хий*:
мелкий — *мел[кий]* — вместо московского: *мел[къй]*
строгий — *стро[гий]* — *стро[гъй]*
тихий — *ти[хий]* — *ти[хъй]*¹

Как видим, «петербургское» произношение отличается от «московского». Но если в XVIII в. петербургский говор не стремился стать произносительной нормой для всех, то во второй половине XIX в. Петербург заявляет о себе как о втором орфоэпическом центре России, переживавшим социальное расслоение. Общество созрело для орфоэпического раскола.

Середина и вторая половина XIX века — это время разных произносительных норм: Петербурга и Москвы; разnochинцев и дворянской интеллигенции; ученых людей, любивших иностранные слова, и обывателей, избегавших их.

Возникла необходимость в более точных, с большей определенностью зафиксированных, четких и строгих нормах языка. И тогда воплощением орфоэпического идеала стала театральная речь. Речь театра консервативна и стремится сохранить культурную традицию русского языка.

Театр всегда активно влиял на формирование речи людей. В России театр из поколения в поколение передавал

¹ Знак (') обозначает мягкость звука, над которым стоит.

Знак (Ь) обозначает измененную безударную гласную, которая звучит как а/ы.

Знак (Й) обозначает измененную гласную, которая звучит почти как «И».

Знак (ј) обозначает ютацию звука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru